

Кевин размашистым шагом вошел в кабинет, где уже царил полный хаос. Полноватый служащий распростерся на полу — похоже, он сильно споткнулся, но почему-то замер в этой нелепой позе и не пытался подняться. Вокруг него сгрудились еще несколько слуг и гвардейцев; на их перепуганных лицах застыло смтение, они растерянно топтались на месте.

Тенис, уткнувшись в грудь Освальда, рыдала взхлеб, растирая левой рукой глаза, в то время как ее правая рука неестественно оцепенела под странным углом. Лицо Освальда потемнело от гнева. Внимательно осмотрев руку девочки, он поднял взгляд и прикрикнул на стражников:

— Остолбенели, что ли? Живо в Палату лекарей, зовите кого-нибудь!

Двое гвардейцев торопливо отозвались и, даже не успев поклониться Кевину, сломя голову выбежали вон.

— Что здесь произошло? — спросил Кевин, проходя в комнату. Он чувствовал, что атмосфера слишком тревожная. Обычное падение не вызвало бы столь бурной реакции.

Освальд не ответил на его вопрос. Вместо этого он раздраженно приказал остальным слугам:

— Вы тоже двигаться разучились? Нечего ему на полу валяться, поднимите его.

Трое растерянных слуг поспешно закивали и сообща подняли распластанного на полу толстяка.

Кевин взглянул на него, и выражение его лица тут же изменилось:

— Почему он в таком состоянии?

Даже когда толстого слугу подняли, он продолжал сохранять позу падения, ни на йоту не изменив положения тела, словно его заморозило. Выглядело это жутко и неестественно: казалось, слуги несут не живого человека, а каменное изваяние.

Но это «изваяние» умело говорить, пусть его голос и дрожал от страха:

— Ваше Величество, я... почему я не могу пошевелиться? Я совершенно не чувствую ни рук, ни ног...

— Придет лекарь — разберемся, — отозвался Освальд. Кивнув в сторону своего письменного стола, он распорядился: — Положите его на стол или пристройте на стул, как-нибудь зафиксируйте.

Разобравшись со слугами, он повернулся к Кевину и объяснил:

— Тенис вбежала сюда и споткнулась, он попытался ее подхватить, но сам упал еще сильнее. Впрочем, дело не в этом. Главное ты уже видишь сам: после падения он так и не смог подняться. То же самое произошло с рукой Тенис, которой она ударилась о пол.

Кевин подошел поближе и внимательно осмотрел правую руку Тенис.

Издавна он не обратил внимания, но теперь заметил, что кожа на правой руке девочки приобрела пугающий вид. Начиная от локтя шла четкая граница: предплечье и пальцы стали безжизненными, серо-желтыми, лишенными малейшего намека на здоровый румянец, в то время как плечо оставалось по-прежнему нежно-белым.

— Больно? — Кевин осторожно сжал ее предплечье. На ощупь рука напоминала хрупкий песчаник — казалось, нажми он чуть сильнее, и она рассыплется в прах.

Тенис покачала головой, шмыгая покрасневшим носом:

— Нет... но мне очень страшно.

Тем временем трое слуг наконец кое-как устроили толстяка на стуле. Один из них боязливо покосился на Освальда и пролепетал:

— Ва-Ваше Величество... Вас ведь тоже только что задело, когда принцесса Тенис на вас налетела? Попало прямо по уху... Вы точно в порядке?

Освальд с недовольным видом буркнул:

— Звуки доносятся будто сквозь вату.

— И тебя задело? — Кевин нахмурился. Особого почтения к императору он никогда не испытывал, поэтому сразу потянулся к его уху. Он принялся осторожно ощупывать основание раковины в поисках затвердений, ведя пальцами по завитку до самой мочки. Действовал он очень бережно, едва касаясь кожи — так же, как мгновение назад с рукой Тенис.

Спустя пару минут Кевин отступил на шаг и опустил руку.

— Не затвердело, но кожа горячая. Видимо, удар пришелся вскользь. И что, уже влияет на слух?

Договорив, он перевел взгляд на лицо Освальда и заметил, что тот выглядит как-то странно. Император упорно отводил глаза и с самым кислым видом процедил:

— Ты сегодня без мозгов из спальни вышел? Кто тебе сказал, что пострадало именно это ухо?!

— ... — Кевин раздраженно ответил: — Я щупал тебя больше минуты, и только сейчас ты сообразил, что я ошибся стороной?

Освальд высокомерно фыркнул. Он изо всех сил пытался напустить на себя царственный и невыносимо заносчивый вид, но грозная маска владыки мгновенно дала трещину: его целое ухо предательски покраснело, выдав смущение, и вся напускная суровость улетучилась.

Кевину стало смешно, но, понимая неуместность веселья, он напустил на себя максимально серьезный вид и обошел Освальда с другой стороны.

На этот раз ощупывать ничего не пришлось. Изменения на другом ухе Освальда были видны невооруженным глазом: кожа побелела и покрылась тем же безжизненным серо-желтым налетом, что и рука Тенис.

— Если ты ночью случайно ляжешь на эту сторону, оно не отвалится? — озабоченно спросил Кевин.

Лицо Освальда вытянулось. Он закатил глаза и процедил сквозь зубы:

— Не твое дело. Прикуси свой каркающий язык!

Пока они препирались, вернулись стражники. Зажатый между ними лекарь казался настолько

древним, что, казалось, застал сотворение мира. Маленький и сморщенный, он походил на сухой боб на тонких ножках. Стражники практически несли его по воздуху — бедняга не касался земли, пока его наконец не поставили на ноги в кабинете.

Старый лекарь натужно вздохнул, отвесил Освальду поклон и затянул скрипучим голосом:

— Ва-а-аше Ве-е...

— Хватит тянуть, переходи к делу, — у Освальда от одной этой манеры речи разболелась голова, и он без лишних слов сунул правую руку Тенис прямо под нос лекарю.

Он кратко описал симптомы девочки и толстого слуги, после чего, нахмурившись, уставился на лекаря в ожидании вердикта.

Зрение у старика было никудышным: он наклонился так низко, что едва не задел кончиком носа ладонь Тенис. Поразглядывав ее руку, он задумчиво хмыкнул, а затем, трясаясь всем телом, заковылял к стулу и дотошно осмотрел толстого слугу.

— Понял, что это такое? — не выдержал Освальд.

Старик кивнул, но тут же покачал головой:

— Я не знаю, что это за хворь, но когда-то читал о похожем в одной книге.

— В какой книге? — спросил Освальд.

Лекарь почесал щеку, задумчиво уставился в потолок и после долгого молчания ответил:

— Забыл название.

— ... — Освальд промолчал.

Будь этот лекарь хоть чуточку моложе, Освальд уже приказал бы выставить его вон вон вон!

— Но я отлично помню саму историю, — старик перевел дух и продолжил: — Это случилось еще в Эпоху Бессермана. Если считать поколения, то во времена прапрадеда вашего прадеда. В книге говорилось, что тем летом в столице случилось нашествие крыс, а в замке вспыхнула странная напасть: здоровые люди внезапно теряли способность двигаться. Да что там говорить, даже у самого Императора Бессермана парализовало руку. Описание той хвори точь-в-точь совпадает с тем, что случилось с принцессой Тенис и этим слугой.

— Нашествие крыс? — Кевин повернулся к окну. В коридоре тучами летали мелкие, как кунжутные семечки, черные насекомые. Эта эпидемия паразитов действительно напоминала описанную лекарем катастрофу прошлых лет.

Освальд тоже взглянул на роящихся насекомых и нахмурился:

— И что было дальше? Как с этим боролись?

— Дворцовые лекари ничем не могли помочь, и Императору Бессерману пришлось искать другие пути. В те времена Раса духов еще не переселилась на острова и часто общалась с нашей страной. Правитель пригласил Фейсу, тогдашнего старейшину Расы духов, чтобы тот осмотрел больных. — Старик наморщил лоб, силясь вспомнить подробности. — Насколько помню, старейшина сказал, что это не столько болезнь, сколько колдовство, передающееся

подобно заразе. Позже император последовал его совету и отправился в Гробницу Бога Фаз.

Кевин почесал ухо:

— Чью гробницу?

Освальд удивился не меньше:

— Гробницу Бога Фаз? Подземную обитель Бога Света Фаз?

Старый лекарь кивнул.

На лицах Освальда и Кевина одновременно отразилось немое: «Ты что, издеваешься?»

Освальд целый год промывал Тенис мозги историями о Боге Света Фаз, так что для нее это имя звучало священно. Заплаканная девочка мгновенно перестала реветь и, шмыгая носом, спросила:

— Если поехать в Гробницу Богов, мы сможем его увидеть? Я очень хочу поехать...

Старый лекарь мягко пояснил:

— В Гробнице Богов ты сможешь увидеть разве что его кости.

— ... — Тенис онемела от такого ответа.

Слушать это Освальду, который, по слухам, был «страстным почитателем Фаз», стало невмоготу. Он сердито зыркнул на лекаря и вернул разговор в прежнее русло:

— Почему Фейса отправил их в Гробницу Бога Фаз?

Лекарь махнул рукой:

— Ваше Величество, вы сами верите в Прежних Богов или в Нового Бога?

— Ни в кого не верю, я верю только в себя, — ответил Освальд. — Но если выбирать из этих двоих, я склоняюсь к Прежним Богам.

Тенис повернулась к нему:

— Потому что среди них есть Фаз?

Освальд закатил глаза и просто накрыл ее лицо ладонью, мешая ей лезть не в свое дело.

<http://bllate.org/book/18285/1753195>